

Введение

Первая проблема абсолютного знания

Знания современного человечества о мире, в котором оно живет, поистине огромны. Не останавливаясь на достигнутом, оно продолжает наращивать базу этих знаний – написаны миллионы книг, проведены тысячи исследований, совершены сотни серьезных открытий. Внушительные цифры эти наводят на подозрения: почему? Почему из бесчисленных «кирпичиков знаний» до сих пор не выстроен дом? Почему не увенчалась успехом научная стройка века, стройка тысячелетия, стройка всей человеческой истории? Почему из всего обилия книг нельзя сверстать одну исчерпывающе-ясную книгу?

Книгу, в которой простым и понятным языком говорилось бы, как устроен мир, какую роль играет в нем человек и как ему – каждому из нас – жить правильно? Жить, основываясь не на чьих-то сомнительных мнениях, а на естественном знании мировых основ.

Почему не ввести такое естествознание в качестве единого курса для школьников, а затем – и студентов всего мира?.. Если вы думаете, как я – что знаний для такого проекта довольно и что человечество могло бы уже договориться о нем по существу... тогда остается простое предположение: человечество МОЖЕТ, НО НЕ ХОЧЕТ договориться.

Предположение характеризует; нелестное предположение означает нелестную характеристику. Чем сложнее объект, тем более неоднозначна его характеристика – объект обладает глубиной разносторонних знаний о себе. Но не обязательно – самими этими знаниями; поэтому единственная наука древности – *философия* – внедрила понятие ВЕЩИ В СЕБЕ.

«*Вещь в себе*¹» – намек на объективную характеристику чего-то. Иначе говоря, любой предмет обладает потенциально полным набором свойств и останется таковым вне зависимости от того, занесены эти свойства в базу чьих-то знаний или нет, равно как и от того, насколько эта база полная и подробная. То был величайший прорыв в организации знаний человечества – лучшие умы в лицах Платона, Аристотеля и других приблизились вплотную к проекту этой организации. Возникли философские системы, затем – идейные теории. Ученики великих всерьез размышляли, как научить людей жить и о своей жизни объективно судить...

Миновали столетия. Имея же в виду, что это не первый исторический пример – даже тысячелетия. Тысячелетия – со времен установления тех же самых истин восточной мудростью. Десятки тысячелетий – с тех пор, как их установили по версиям ученых древнейшие цивилизации. Однако «литерный воз с гуманитарным грузом» и ныне там – там, откуда неоднократно стартовал. Спрашивается: почему?

По двум причинам, которые не так уж и сложны: первая касается человека, вторая – идейной теории. Начнем с первой.

Человек – это тоже объект, и он тоже обладает характеристикой. Характер его – один из наисложнейших в Природе, а философское осмысление мира – лишь одна из многих его черт. Это гуманистическая, чисто человеческая черта. Она дает радость увидеть мир таким, каков он есть, и чувство благодарности миру – за предоставленную им чудесную способность познавать «вещи в себе».

Качество сложности – в обилии простоты; сложный характер – в обилии простых черт. Начав с простого, предположим, что у человека таких черт всего три. О первой – гуманистической – уже было сказано. Вторая черта, в отличие от первой, не позволяет мириться с «вещами в себе» – она понуждает бороться за «вещи для себя».

Но мириться надо – для этого существует третья черта. У кого ее нет – умирает, у

¹ *Вещь в себе* (нем. *ding an sich*; англ. *thing in itself*; фр. *chose en soi*; лат. *cosa in se*), ноумен (греч. *νοῦμενον*, от *νόος*, «ум, разум») – философский термин, обозначающий явления и объекты умопостигаемые, в отличие от чувственно постигаемых; вещь как таковая («сама по себе») (<http://ru.wikipedia.org/wiki/>).

кого не в порядке – сходит с ума. Говоря строго, третья черта особенная – она не человеческая, а «людская» – для общения с людьми. Первые две в этом деле неприменимы: к другому человеку не отнесешься ни как к «вещи в себе», ни как к «вещи для себя».

«Вещь в себе» – это просто, как и «вещь для себя». Когда вы любуетесь закатом, наслаждаетесь шумом леса, восхищенно наблюдаете за живым – это и есть проявление черты номер один – познания «вещей в себе». Когда вы проклинаете дождь, рубите лес и убиваете зверей – это проявление второй черты – желания «вещей для себя».

Сложное состоит из простого, человечество состоит из нас. Мы состоим из разных черт, и только одна из них (первая) – человеческая в полном смысле этого слова. Вторая – обычный звериный инстинкт, усовершенствованный Цивилизацией до собственности. Третья – коллективизм, опять же – улучшенная, модифицированная версия «стадного чувства». Эта черта особо интересует нас: непостижимо замешанная на двух других, она позволяет договориться с другими. Мы подошли к результату этого договора, ко второй причине – к идейной теории. К продукту третьей, «общественной» черты.

Идейная теория – теория вовсе не идеалистическая. Имея дело с тремя чертами человека – *человеческой, звериной и коллективной* – она ставит целью оградить его от худших из них, используя и пропагандируя лучшие. Человечность – пропагандируется, зверство – запрещается, и все это делается на уровне коллективного договора. Договор – и есть идейная теория. Будь она монархизмом, капитализмом или коммунизмом, призывает она к одному и стоит на одном – на *нравственности*. Нравственность побуждает относиться ко всему, как к «вещи в себе», то есть быть вежливым, бескорыстным и любвеобильным.

И если бы хоть одна из идейных теорий сумела с убедительностью доказать выгоду этого стиля – выгоду абсолютную и беспроегрышную для всех – бескорыстие человечества тоже стало бы абсолютным. А знания о мировых «вещах в себе» сами собой прижились бы в солидарном человечестве. И тогда «книга обо всем» была бы написана, и Великий Закон предоставил бы абсолютную силу.

«Вещь в себе» – это наше знание о ней. Вещь – это сейф, в сейфе – сто миллионов. При наличии знаний обо всем точно известно, что владелец забыл его закрыть, что охраны не будет как раз столько времени, сколько нужно, чтобы изъять из сейфа наличность. А теперь вопрос: много ли вы назовете людей, которые, с точностью зная все, что здесь сказано, откажутся от такого соблазна?

Лично я не уверен ни в ком, включая самого себя. Ибо незнающий не знает и не может знать, как поведет себя, узнав. А между тем, именно те немногие, которые «знают, не зная», – заранее знают, что в этот список не попадут – и есть нравственные, а не замаскированные ширмой нравственности, люди.

® *Истинная НРАВСТВЕННОСТЬ – это абсолютный отказ от «вещей для себя» вопреки абсолютному знанию «вещей в себе»*

Когда истинно нравственных будут не единицы, а множество, не меньшинство, а большинство, нравственным станет и знание. Как мы знаем, сегодняшний мир устроен не так, а «с точностью до наоборот». А это значит, что абсолютное знание и абсолютный закон обернутся для человечества законом самоистребления. Самоуничтожения.

Чтобы этого избежать, оно защищает информацию, держит в тайне свои знания и выдает друг другу неполные, а то и намеренно недостоверные сведения.

Итак, предположение оказалось ошибочным:

➤ *человечество и впрямь не может договориться, а потому совершенно правильно поступает, не желая договариваться сверх того, чего уже достигло в своем договоре*

Потому знания человечества – это желтая пресса полуправды, а не научная монография об истине. Потому есть множество книг о многом, но нет одной Книги обо

Всем.

Человек и история «вещи в себе»

Нет спору, не все идеи достойны сарказма – были в общественной истории и другие, сказать прямо – лучезарные. Но даю вам слово, читатель: я бы не взялся за эту книгу, если бы хоть одна из этих солнечных, трепещущих живым листочком на ветру идей была бы сегодня жива, а не исчезла в тучах, как солнце, а не высохла бы и опала, как бурый ноябрьский лист. Все лучшее, что породили беспокойные и бескорыстные в своих надеждах умы, увяло, кануло в осеннюю историческую мглу. Все худшее, что не заслуживает даже упоминания о себе, возрождается и процветает весенним буйным цветом.

Лучшее было опозлено и опозорено, во многом – и с нашей с вами помощью. Худшее – возвеличено при попустительстве вашем и моем. Это не значит, что нам пора посыпать головы пеплом и удаляться в монастыри, – как ни странно, нашей вины ни в том, ни в другом нет. В этом нет вообще ничьей вины, ибо это естественное проявление человеческих черт. Что же это за черты, что за лучшее и худшее, о чем речь?

Черты – это начала: человеческое, звериное, коллективное.

Лучшее – это идеи: философская мудрость, коммунизм и Христианство.

Худшее – это реалии: культ собственности, потакание инстинктам, фашизм.

Что означает: нет нашей вины, а есть проявление человеческих черт?

Это значит: человеческое начало дает жизнь и зажигает свет. Звериное начало рвет жизнь во мраке инстинктов. Коллективное начало соглашается с тем, с кем выгодней согласиться, а потому рано или поздно склоняется к худшему, объявляя его лучшим. Короновав и усадив на престол худшего из претендентов на власть, это начало провоцирует массовую трагедию в истории своей семьи, своего народа или большей части человечества, то есть – свой собственный геноцид.

Чем можно доказать, что худшее процветает в сегодняшнем мире?

Лозунгами, конечно. Лозунгами, которые пропагандирует современная идейная теория – независимостью, свободой, демократией. Почему?

Потому что независимость – это культ собственности, свобода – потакание инстинктам, демократия – обыкновенный фашизм в почти открытой форме.

В чем признак вырождения лучшего – ведь философская мудрость и Христианство остались, а коммунизм... хм?!

Признак вырождения – в самом этом лучшем, которого нет или почти нет – есть ложные свидетельства, путанные названия, фальшивые имена. Более подробный разговор предстоит.

А пока – о человеческих чертах и их ожидаемой реабилитации. Три черты, три начала, три природы, три «части» человека давно известны религии, философии и иной немеркнувшей мудрости. Человеческое начало – *дух*, звериное – *тело*, коллективное – *душа*. По значимости дух – первый, душа – вторая, тело – третье.

Дух олицетворяет *высшую человеческую природу*, тело – *низшую*, – эти понятия мы также будем применять. Душа – коллективное начало, уравнивающее амбиции двух полярных природ. Человек теряет рассудок, когда душа перестает справляться со своими обязанностями, и – умирает, когда она вовсе «покидает» его.

А сейчас – снова о философии. Ей с давних пор известно как о «вещи в себе», так и о структуре человека с его природными началами. Интрига противостояния двух главных начал – высшего и низшего – занимает особое место в философской истории от древних ее истоков до настоящих времен.

Однако не подумайте, что существовали некие ветви философской мысли, пропагандирующие низшее в человеке – таких не было и не могло быть никогда! Отдавая должное человечеству, надо заметить, что оно всегда прислушивалось к лучшим своим умам. В то же время, мы знаем, что ум – лишь одно из многочисленных свойств объекта,

именуемого «человек», хотя и не выяснили, к какой именно человеческой природе его отнести. Непременно выясним – позже.

А пока скажем, что Платон и Аристотель, чьи имена стояли рядом в наших рассуждениях, как раз и были непримиримыми противниками в упомянутой борьбе. Каждый из них стремился к осознанию и агитации за высшее, но каждый – собственным путем. Пути имели непосредственное отношение к «вещи в себе». «Вещь в себе» имеет прямое отношение к нашей проблеме – проблеме абсолютного знания, ведь эта «вещь» есть по сути модель искомой *универсальной шкалы*.

Действительно, «вещь в себе» – весьма противоречивая вещь. С одной стороны, ее можно понять как перспективу – перспективу бесконечного развития: мы не знаем, что из себя представляет нечто, однако это не препятствует ни общению с ним, ни его исследованию. Более того: дав волю воображению, мы можем судить о неизвестном так, как будто хорошо знаем его.

Такая «художественно-творческая» манера идеального (беспредметного) суждения приписывается Платону и известна, как *идеализм*.

С другой стороны, «вещь в себе», что ни говори, – опасная вещь: то, чего мы не знаем о ней, может стать проблемой для нас, не суля никакой пользы нам. Вывод: лучше судить об уже известных вещах, а также об известных свойствах не вполне известных вещей. Проще говоря – судить и использовать знания сознательно и рационально, не теша себя иллюзиями о том, чего, возможно, и вовсе нет.

Такая «рационально-реалистическая» манера отношения к действительности свойственна Аристотелю и известна как *материализм*.

Известно и то, что материализм победил, и эта его историческая победа определила лицо тогдашней будущей, а ныне – настоящей философии. Основываясь на точном и рациональном знании, материалистическая философия содействовала становлению Цивилизации в ее нынешнем виде.

Дух-воздух, материя-мать

Колоссальную роль материализма трудно переоценить. Все некогда приобретенные знания человека были поставлены на службу ему. Все вновь приобретаемые немедленно ставились – конвейер интенсивной эксплуатации знаний заработал на полную мощь.

И, как всегда бывает в случае чьей-то победы, идеализм был низложен и осмеян материализмом, как проигравший – победителем. И победителя этого никому не пришлось бы в голову судить, если бы не трагические катаклизмы, с пугающим постоянством взявшиеся сотрясать мир на новом – казалось бы, столь многообещающем – этапе развития. Борьба за власть, войны, революции и терроризм приняли столь жестокие формы, что и в страшном сне не могли присниться прежнему, «доматериалистическому» человечеству. Вдобавок ко всему, ожесточилась природа, изливая свои форс-мажорные протесты извержениями, ливнями и ураганами. Причем, как не раз замечалось, форс-мажор этот возникал именно там, где в данный момент «решало свои материальные проблемы» человечество.

Когда все сферы деятельности человека достигают материально обоснованного могущества, а число событий, опровергающих это могущество, необъяснимо растет, рационалист теряет уверенность в себе и приобретает сентиментальные черты.

® СЕНТИМЕНТАЛЬНОСТЬ – это неосознанный идеализм

«Лошадь вижу – лошадности нет!» – ехидно заметил Аристотель Платону по поводу их извечного спора. «Лошадность» – это модель «вещи в себе», обладающая предельно полной, исчерпывающей характеристикой. О лошади человек знал только то, что на ней можно ездить и ее можно есть. Затем его знания расширились – он уже мог сосчитать, сколько у лошади ног, чем и как часто ее необходимо кормить и как содержать. Сегодня он знает о ней еще больше – ее анатомию, характер и эволюцию «лошадиного

вида». Болезни, которыми она болеет. Интеллект и реакцию на окружающий мир.

Однако, если вы спросите у «специалиста-лошадника» с мировым именем, вся ли это «лошадность», он наверняка покачает головой и скажет: нет, не вся – мы еще не знаем всей. Покачает головой, как лошадь, и посмотрит грустными лошадиными глазами...

Новое знание прибывает, откуда – этого материализм не может объяснить, хотя и изображает компетентность. Казалось, бы лошади понятно, где выход: есть некая «идеальная сфера», оттуда и прибывает. И если, скажем, для физики такое объяснение чрезмерно, для философии – в самый раз. Это ведь ее хлеб, тем более – на давно вспаханном умудренном Платоном поле. Платоновский идеализм – натуральная функция высшей природы, аристотелевский материализм – такая же функция низшей. Два полюса, два начала, два учения – одна философия. Философия равновесия.

Ан нет! – гегемон-материалист смириться с таким туманным подходом, с пораженчеством в победном стане – не согласен. Его сознание – свойство высокоорганизованной материи, которую само же столь «высоко и организовало» – не согласно. Гордость ему не позволяет.

Высшая природа – человеческая, она же – духовно-творческая. Низшая природа – звериная, она же – телесно-материалистическая. Гордость не свойственна ни той, ни другой – этим природам человека вообще несвойственны эмоции. Они не знают ничего о гордыне, оболъщении, сочувствии, зависти, дипломатии. Не эти, а совсем иное начало разделяет и объединяет, влюбляется и презирает, наказывает и поощряет, формирует общественное мнение и мораль, проводит в жизнь планы, тактику и политику. Берет все это на себя, а после – принимает на себя удар.

Единственное, к чему оно неспособно – это философия; избирая лишь один из полюсов мироздания, лишь одно мнение из двух, оно всегда избирает угодное низшему. Избирает и провозглашает его эталоном мысли и образцом поведения для всех.

Вы догадались: речь идет о коллективной природе – о душевно-психической. Провозгласив, она «спускает свою однополюсную идею вниз» – в массы. «Массы» – это низшая природа, природа «идейного исполнителя». Никакую, даже самую лучшую идею, нигде и никогда этот исполнитель не претворял в жизнь как лучшее, но всегда и везде – как худшее. Худшее из всего, что можно было получить. Почему?

Потому что инстинкты для человека – отживший рудимент, а низшая природа – это природа инстинктов. Пытаясь творить, она способна лишь разрушать, пытаясь управлять, она всего лишь бунтует. Бунт заканчивается для нее и для остальных худшим – гибелью. Чтобы это лучше понять, вспомните о таком эпизоде своего детства, как плавание с надувной игрушкой.

Поведение плавучих предметов в воде, как и наши ощущения их, весьма любопытны: когда мы просто держимся за них, будучи ниже, в воде – они устойчивы, зато мы не уверены и недовольны. Хочется вылезти наверх, втолкнув игрушку, например – мяч, в воду, и поплавать на нем. Однако мяч тут же теряет устойчивость и пытается выскочить из воды то справа, то слева, опрокидывая и лишая равновесия нас.

Такова природа высшего – оно рвется вверх, где ему и положено быть: наверху оно устойчиво и гармонично. Мы не уверены, потому что наше тело боится воды и инстинктивно стремится вскарабкаться вверх, и недовольны, потому что это не выходит. Маленькие дети, не научившиеся владеть собой, даже плачут и пытаются ударить «вредную игрушку».

В этом примере – вся суть взаимоотношений высшего с низшим. Если игрушка, подвергнутая агрессии капризного малыша, пострадает, тому несдобровать, и родителям останется одно – спешить на помощь...

Отринув воздушное начало платоновской мысли и упрямо карабкаясь вверх, человечество лишило себя равновесия. Лишившись равновесия, оно «повредило плавучесть» агрессивным капризом низшего начала. Выйдя в космос, сочло себя уверенным «воздухоплатателем», однако все больше сродни утопающему.

Две философии – два идейных родителя человечества. Кто из них отец, а кто мать, мы узнаем, хотя общее слов «мать» и «материя» говорит само за себя. К их чести, они пытались спасти положение – именно эта попытка объясняет введение в материалистическую философию чуждого ей понятия «дух» – когда было уже слишком поздно. Поздно вдыхать дух в полузатопленный мяч духовного осознания, когда в этот «воздух» мало кто верит. Когда спасателям не верят, когда матерятся (материя, мать!..) и тянут вместе с собой на дно, ясно, что совершена какая-то ошибка. И ясно вполне, что цейтнот времени на ее исправление катастрофический.

Ошибка философии состояла в том, что ей не следовало противопоставлять идеализм материализму, а следовало принять их как одну модель на основе двух начал. Идеализм не следовало отвергать, его следовало осознать – тогда он не стал бы сентиментализмом. Тогда не только «лошадность», но духовность, душевность и человечность обрели бы куда более ясные формы. Тогда человеческой психике не пришлось бы разрываться между духом и телом, а «вещи в себе» не сплелись бы вихрем стихий в форс-мажорном всеокушающем экстазе.

Моя душа – мое богатство...

Коллективное начало соглашается с тем, с кем выгодней согласиться, а потому рано или поздно склоняется к худшему, объявляя его лучшим. Короновав и усадив на престол худшего из претендентов на власть, это начало провоцирует массовую трагедию в истории своей семьи, своего народа или большей части человечества, то есть – свой собственный геноцид.

Я повторил эти слова о душевной природе и хочу еще раз пояснить их, устранив даже остатки вашего недоумения. Недоумение – это, между прочим, тоже ее «бзик»; скоро мы научимся разбираться в адресных функциях наших природ. А пока вспомним, что кроме ортодоксальной философской мысли существовала еще и парадоксальная. Не материалистическая и не идеалистическая – лирическая.

Начала наши неоднозначны, обозвать их можно еще и так – недочеловеческое, богочеловеческое и (да здравствует Ницше!) слишком человеческое. «Слишком человеческое» – это и есть наша душевная природа во всей своей «эротоведической красе». Это женская природа в чистом и незамутненном виде. Природа женщины, но не природа матери, так как две эти природы даже менее схожи, чем мужская и женская.

Главное, что их разделяет – наличие и отсутствие противоречивости: в одной она есть, а в другой – нет. Мать – это материалист, если она не будет такой, поднять и вырастить детей не сможет. И если есть на свете «разумный, добрый, вечный» материализм, то это материализм материнский.

В случае же юной и амбициозной девушки, она, как известно из жизни и из романов, неразумна во-первых, недоступна во-вторых, и непостоянна в-третьих. Это очевидное, а что касается спорного, то она никакой и не материалист, хотя взглядом дочери на мать и тешит себя воображаемой «житейской сноровкой». И «добрый материализм» хорошей матери понуждает ее объяснить той, что мир не так уж и миролюбив.

Однако не менее, а порой и более пристальным взглядом девушка смотрит на отца. Именно в нем, что не странно, ищет она ответа на главный вопрос: в чем смысл ее красоты и как отнесется к ней тот, кому эта красота предназначена? Что она для него, эта красота? Что он делал бы, если бы ее не было? И что готов сделать для того, чтобы она всегда была – была с ним?

У женщины есть две тяги, они – как тяги ракеты, взлетающей над миром и зажигающей мир фейерверками эмоций и чувств. Это тяга к философии и тяга к материализму. Ни одной она не может получить сама, так как не умеет и неспособна. Женщина – это душа, душа неспособна ни к низшему зверству, ни к высшей философии. Она лишь способна проявлять и привлекать внимание, и в этом внимании может ошибиться или оказаться правой.

Но это выяснится потом – момент истины наступит тогда, когда она станет матерью. Тогда ей придется хранить свое счастье или оплакивать свое горе. Ее будут вечно благодарить, склоняясь к ногам, как склоняются к ногам счастливых матерей счастливые отцы.

Или – я никому не желаю этого – сквернословить и попрекать за то, что она испортила жизнь. Испортила себе, а заодно испортила всем – она ведь душа. Душа, что награждает и взыскивает, любит и презирает, отбирает и одаривает. Она – та, которой не может не быть и без которой ничего в жизни не может случиться.

Женская противоречивость – противоречивость для нее самой, для мужчины – это способ существования. Ибо примирить два его противоположных начала может только искусный посредник – умелый дипломат и изощренный лицедей. Это и есть душа – душа мира, душа семьи, душа его собственная.

Но больше всего на эту роль подходит душа его подруги, если, конечно, она способна на эту роль. Женщина избирает мужчину по сочетанию двух тяг – физической и философской. Тот, чья философия кажется ей правильной, точной и понятной – и есть ее потенциальный избранник. Чтобы из потенциального превратиться в реального, ему нужно удовлетворить и вторую тягу женщины – физическую. Понимайте ее как хотите, тем более что разные женщины тоже понимают ее по-разному...

Впрочем, женщины, не испытывающие никакой другой тяги, кроме физической – будь это материализм или секс – никогда не влияли на судьбы мира, а потому не очень повлияют на наше изложение. Главное – это способность женщины оценить, полюбить и применить мужскую философию. Такой мужчина – ее идеал, а потому настоящая философия – все-таки идеализм. Идеализм – отвергнутая, непризнанная ценность Цивилизации. Ценность «вещей в себе» – таких как они есть, подмененная ценностью «вещей для себя» – таких, как они выгодны человечеству.

Выгодны ли?

Об этом – наша книга.

Непризнание ценности, за которую, однако же, пришлось заплатить во сто крат, породило самообман и объясняет те самые слова курсивом, что повторены в этом разделе еще раз. Материализм числит себя философией, но без духа не может обойтись, а потому снисходительно объявляет его «свойством материи». Женщина тоже не может обойтись без мужского духа, без высшей природы любимого, но ищет этот дух в его материальных амбициях. Иными словами, она выбирает худшее, ибо таково ее представление о лучшем. Таковы представления большинства.

Большинство – это коллектив. Душевная природа – коллективная, природа общения и общественного мнения, глашатай и провозвестник других природ. Поставив низшую на место высшей и подменив первую второй, душу вынудили имитировать выбор, не совершая его. Душа женщины, а значит, и душа мира, полагая, что находится меж двух далеких огней – между духовным и материальным – сгорает в пламени одного, пытаясь примирить не высшее с низшим, но одно низшее с другим. То есть, выбирает из двух зол, вполне достойных друг друга – ведь третьего не дано.

Выбирая из двух, трех или многих исходов, женщина рано или поздно понимает – исход один. Рано или поздно – уж когда станет матерью. И если материализм – все-таки философия, то это философия не просто женская, но того сорта женщин, о которых договаривались не...

Однако ничего не поделаешь – брезгливость придется усмирить.

В путь!

Дело, конечно, не в мужчинах и женщинах, не в браках и предпочтениях, не в разводах и осуждениях. Дело В ПОДБОРЕ СИМВОЛОВ, которые, подобно разноцветным флажкам, будут занимать места вдоль *трассы постижения* – по ней мы с вами двинемся в путь. Таков стиль этой книги – привыкайте.

Таково постижение. Впрочем, никто точно не знает, какое оно. Потому и трасса, по которой «поедем», не вполне географическая. Не всегда зримая, не всегда реалистичная, не всегда предсказуемая. А потому нередко будет случаться так, что отдельный «флажок» не сразу откроется вам, иной – вызовет сомнения в правильности пути.

Но даю вам слово: каждый из них обретет зримость, яркость и цветовую определенность не позже, чем будет дописана последняя строка.

Ну как, готовы?

Тогда – старт!